

Ирина Петрова

Идеальные мужчины

Ирина Петрова
Идеальные мужчины

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Петрова И.

Идеальные мужчины / И. Петрова — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Молодой провинциальный художник переживает творческий кризис, да и личная жизнь у "красавца-мужчины" не ладится. Он попадает в загородную клинику профессора Сидорова и соглашается на участие в рискованном эксперименте наравне с другими. Эксперимент включает в себя имплантирование чипов. Он находит здесь друзей и самого себя. Участники эксперимента переосмысливают свою жизнь, попадают в сложные жизненные ситуации, но с помощью друзей находят выход. А вот личную жизнь героям приходится строить самим.

Часть 1
Клиника
Глава 1

Наталья работала, сидя в пропыленной подсобке за старенькой печатной машинкой, а света в комнате было мало. Единственное окно выходило во двор, но и оно было заложено бухгалтерскими книгами. Настольная лампа освещала только половину стола и тонкую пачку листов, исписанную её торопливыми каракулями.

Наталья любила здесь работать: никто не мешал. В голове царил вдохновенный хаос, в котором ей ещё предстояло разобраться. Она перепечатывала текст и тут же снова правила его. Наверху в одном из залов музея царило оживление. Люди пришли посмотреть на старинные вещи, случайно обнаруженные строителями в одном из домов: бронзу, оружие времён войны 1812 года, картины.

Сколько лет просуществовал тайник, а открылся только сейчас. Наталья видела в этом особый знак.

В числе находок была неизвестная картина Дубовского, датированная 1890 годом. Зимний пейзаж просто очаровал Наталью.

Дремучий лес вдали. Длинные тени расплзлись по нетронутому насту. Свет невидимой луны таинственными пятнами серебрит снег. Безлюдье. И на фоне этого простора небольшая заснеженная избушка, куда торопится по санному пути ямщик.

Наталья работала старшим научным сотрудником, и живопись девятнадцатого века была одной из разрабатываемых Натальей тем. Она пыталась найти параллель между событиями жизни художника в тот период и изображённым пейзажем. Также оставалось загадкой, как картина могла попасть в их город. Наталья надеялась, что публикация статьи, возможно, прояснит что-то.

К обеду Наталья, наконец, нащупала нужное русло в работе, и статья стала выравниваться... Остались ещё несколько штрихов и окончательная перепечатка. Но вот эти-то несколько штрихов ей никак не давались.

Уф, устала! Будто сама с лихим ямщиком долго ехала по заснеженным дорогам среди лесов, и вот, наконец, забрезжил вдаль чуть заметный огонек постоянного двора. Запахло жильём, под полозья с лаем бросились собаки. Сразу всё пошло в движение, слилось в снежной кутерьме: звон колокольцев, фыркание коней, почувствовавших отдых, вскрик ямщика. Пронзил душу его жгучий взгляд из-под заиндевевшего меха. «Не бойся, красавица, приехали», – послышалось из снега и инея, и невидимая улыбка повисла в воздухе остывающим парком.

Наталья взглянула на часики, вернулась в действительность, мысли её заработали в нескольких направлениях: опять зануло сердце в тревоге за Олега, за маму, но часть души всё ещё оставалась в картине.

Где уж ей понять художника, когда и современного человека, про которого знаешь, казалось, всё, порой не поймёшь. Ох, уж этот Олег! Она хорошо знала своего друга. Была рядом во время многих его срывов и депрессий. Сегодняшняя депрессия что-то затянулась. Вера его в себя подорвалась после весенней художественной выставки, где его картины выглядели не лучшим образом. А ведь почитатели его таланта многого от него ждали. Наталья пыталась его поддержать, но с ним была тогда Танечка, да и скептические замечания критиков, и уколы журналистов сделали своё дело. Потом произошёл его разрыв с Танечкой, ссоры из-за неё с матерью.

И почему Наталья должна быть для него скорой помощью? Но как бы там ни было, через некоторое время она уже мчится в такси к Олегу. За окнами проносятся жёлтые шапки деревьев, прохожие, новостройки. В городе вечно что-то строилось. Наталья родилась здесь и любила город с его потоком машин, вечно спешащими людьми, уличным шумом и бешеным ритмом жизни. Скользя в новенькой машине такси по подсыхающему после дождя асфальту, она радовалась осени, умытой безмятежности природы. Город с его яркими искусственными красками не смог заглушить живой цвет и запах осени, врывающийся сквозь открытую форточку. Неужели никто его не замечает? В городе всё в соседстве: живое и неживое, красота новостроек и обновленные храмы.

Будь она поэтом, сказала бы: «Остановитесь, люди, оглянитесь вокруг!» Но она не поэт, и эта блажь у нее то ли от соприкосновения с настоящим искусством, то ли от Олега. Вот он бы точно так сказал. Когда много думаешь о человеке, начинаешь и мыслить, как он.

Наталья вышла из машины, расплатившись с шофёром, вошла в знакомый подъезд и нажала кнопку лифта. Квартира Олега находилась на последнем, девятом этаже. В лифте Наталья подумала, что ничего не купила поесть, в её сумочке лежали лишь две булочки, оставшиеся от завтрака. Впрочем, она и сегодня не надеялась, что Олег откроет ей дверь – не открыл же три дня назад. А сегодня ей во что бы то ни стало необходимо увидеться с ним.

Глава 2

Неделя прошла в сплошном тумане. Вначале Олег совместно с Игорьком Банниковым, рисующим абстрактные шедевры из точек и линий, попытался утопить своё отчаянье в вине. Но пьяный угар не приносил облегчения. В конце концов два неудачника поссорились. Олег замкнулся в себе, ночь и день для него смешались в одно, он отключил телефон и погрузился в одиночество...

Ночами он часто просыпался. Спросонья мысли в голове путались, сплетаясь в нелепый клубок. Во сне то плутал по лабиринту, то безуспешно взбирался в гору, то плакал надрывно и горько. Очнувшись, с трудом верил в отсутствие горы и слёз на глазах...

Он запретил себе думать о Танечке, но непослушные мысли слоились, разбегались, возвращая вдруг полузабытый жест подносимых к лицу рук и резкий поворот всей её устремлённой к нему фигурки. Вот глаза её он вспомнить себе не позволял. Они лишали его покоя, и даже не сами глаза, а то, что было в них тогда, что слилось вместе со всей тьмой вокруг в какой-то болезненный образ. Образ, в котором уживались вместе живые и мёртвые, протяги-

вал ему руку покойный отец: «Держись, мужик». Накатывала волна раздражения и неясной вины. Непрестанные бессонницы и бессмысленная холостая работа мозга измотали Олега.

Этой ночью он проснулся и ничего не увидел. Это было так странно и страшно. Напрасно он тарашил глаза в темноту, пытаясь уловить хоть отсвет, хоть отзвук живого мира. Через долгую секунду он понял, что это всего лишь сгустилась тьма перед рассветом. Проклятый мэр, нашел, когда экономить электричество! Темнота сразу обрела знакомые очертания, отодвинулась. Олег стал терпеливо ждать, когда ночь минует свой последний рубеж, будто дневным светом должен был наполниться не только окружающий мир, но и сама душа его. Ждал, думал: впервые чисто и ясно. Существуют же вещи важнее, чем его несогласованность с миром, с самим собою, вещи не поправимые и от тебя не зависящие, такие как жизнь и смерть.

Смешно! Испугался темноты, хоть маму зови!

А жизнь действительно полосатая, он в этом убедился воочию. Значит, впереди и его светлая полоса. Только откуда ей взяться, если язвой в нём сидит отвращение к себе как к художнику. Но всё же где-то в мозгу возникла светлая точка, и ширится растёт... Или это только запятая?

Наталья выжала из звонка три условных сигнала и стала ждать. Послышались шаги, скрежет открываемой двери – и на пороге появился он. Олег был бледный, небритый, завёрнутый в простыню. Как давно она его не видела. В один миг все предыдущие мысли, восторги, сожаления исчезли куда-то, остался только Олег.

– Да-а..., – сказала Наталья. – Ну и видок у тебя! Ты себя хоть в зеркале-то видел? На улице красота! А ты тут киснешь, плесенью покрываешься. Сколько дней ты уже из дому не выходил? – напала она, пытаясь скрыть волнение.

– Ты проходи, – отступил он в комнату, застенчиво улыбаясь и не отвечая на её вопрос в своей привычной манере пропускать все нотации мимо ушей. – Я чувствовал, что кто-то должен придти. А это ты...

– Ты не рад?

– Рад, – улыбнулся он.

Почему именно его полюбила Наталья? Неужели за эту его виновато-застенчивую улыбку (а виноват он перед ней бывал часто). Неужели она – эта улыбка – стоила так дорого, что каждый раз заставляла сильнее биться её сердце! Только ему знать об этом ни к чему. Наталья шагнула в темную прихожую и ощутила щекой его колючий поцелуй. Боже, как ей не хватало этого!

– Иди брейся, дикарь, – оттолкнула его, спрятав свои чувства за двойной шторкой волос и ресниц.

Необходимо было переключиться на деловой, бесстрастный тон. – У меня к тебе важный разговор.

Она прислонилась к стене, на минутку прикрыв глаза, вдыхая единственный запах Олеговой квартиры. Сквозь пропылённость и прокуренность чувствовалось в ней присутствие неведомой души хозяина. Вместе с пылью витали здесь частички горьких разочарований, неуловимый дух вдохновенья, ещё не взятого на кончик кисти.

Рассыпанные монеты, пепел на столике у зеркала – всё говорило о теперешнем состоянии духа хозяина. Равнодушное стекло смутно, как бы нехотя отражало Наталью.

Когда-то они были близки, очень близки. Но это было сто лет назад, ещё позапрошлой зимой. Помнило ли всевидящее зеркало, как он прямо у порога, не давая раздеться, рисовал её вместе с подтаявшими на её лице и ворсинках воротника снежинками? На пол сбегала лужица с её сапог, сияла лампочка на сто ватт, освещая каждый обшарпанный угол.

– Почему у тебя лампочки-то нет? – скинув с себя наваждение вместе с плащом, крикнула Наталья из тёмной прихожей.

– Не купил, – издали глухо прозвучал ответ.

– Как всегда, – пробурчала она.

Год назад между ними встала Танечка. Что он нашёл в ней? В ней ведь ничего не было кроме чистого личика и наивных глазок. Ей же замуж хотелось, это было написано у неё на лице. А Олег, он всегда был влюбчивым.

Танечка! – её и Таней-то никто не называл. Танечка!... Наталье казалось, Олег транжирит на Танечку не только свою любовь, но и её, Натальину, принадлежащую Олегу. Ревность буквально съедала её.

Олегов роман закончился, как и все романы с влюблёнными дурочками. Только этой ещё и аборт делать пришлось.

Но вот Танечки нет, а между старыми друзьями всё ещё лежит гробасть. Сколько ещё нужно времени, чтобы они смогли отделаться от ощущения её присутствия? Шлюшка со скорбным видом мадонны, сломавшая разом её и Олега жизнь.

Олег всё ещё ощущал слабость во всём теле, боль в глазах и покалывание в виске, но уже чувствовал, что выздоравливает. Из ванной он слышал, как Наталья ругает его. Поделом! Что она там говорит? Ему нужна смена обстановки, необходимо быть среди людей, показаться врачу. Что она имеет в виду? Консультацию у психиатра, серьёзное лечение? Да, видно его вид говорил сам за себя. Олег взглянул в зеркало: оброс, лицо – болезненная стянутая маска, волосы тусклые.

В комнате звенел Натальин голос:

– Грязи-то развёл, грязи! Распустился совсем, – потом раздалось глуше, видимо из комнаты. – Ты же талант!

Наталья пробежалась глазами по мольбертам, сдула пыль с приставленной к стене картины, ничего интересного для себя не обнаружив.

– Талант! – повторила она, заглянув к нему в ванную. – И ты ещё докажешь это!

Каблучки Натальи простучали к кухне. Послышалось её ворчанье, хлопанье дверцы холодильника.

Повсюду, не желая того, Наталья видела Танечкины следы: полотенце с утёнком, салфетки, прихватки, развешанные на стене. И даже само то, что Танечка умела создать уют, сейчас раздражало Наталью. Она взялась за тряпку.

Когда заглянул в кухню Олег, Наталья обжаривала подсохшую в холодильнике ветчину, делала бутерброды. Она выбросила в мусорное ведро затвердевший сыр и пакет прокисшего молока.

– Давай к столу, – позвала она не глядя.

– Да зачем ты?.. Я бы сам, – обвёл он виноватым взглядом кухню.

– Молчи уж, – пробурчала она.

И вот Олег, выбритый, сидел с Натальей за чаем и радовался тому, что он не один.

Наталья сложила в пакеты пустые бутылки, перемыла посуду, расправила штору на окне и будто внесла живую струю в его заржавевшую от тоски и безделья жизнь.

Олег прихлёбывал горячий чай из своей любимой чашки в горошек, слушал звонкий Натальин голос, подчиняясь его менторскому тону, любовался изящным изгибом её розовых губ и выбившейся черной прядкой волос.

– Что ты смотришь на меня, как на инопланетянку?

– Так... Почему ты не приходила раньше?

– Я приходила. Ты меня не пустил.

– Я был не прав. Извини.

– Как всегда.

– Как всегда, – повторил он. – На улице тепло? – спросил он, будто это было ему важно.

– Восемнадцать градусов, – ответила она.

– Пахнет дождём.

– Он был. Сейчас закончился, – потянулась она и открыла пошире форточку. – В музее появились новые картины. Девятнадцатый век, ты знаешь?

– А-а-а, – протянул он нисколько не заинтересованно. – Значит, ты, как всегда, вся в делах? – спросил так же без интереса.

– Значит, – ответила она.

Разговора не получалось. Будто разговаривали посторонние люди или словно им мешал кто-то третий. «Даже картины его не интересуют!» – обиделась Наталья.

– А вообще-то я по делу. И дело это касается непосредственно тебя, – сухо сказала Наталья.

– Меня? – удивился Олег её тону.

– А ты думал, я к тебе в любовницы набиваться пришла? – усмехнулась она.

– Наташ, ну ты что, не обижайся. Ты обиделась на то, что я про дела спросил?

– Дело не в том, что спросил, а в том, как.

– А ты сама..., – укорил Олег. – А если честно, я понял сейчас, что мне тебя не хватало...

Я по тебе соскучился... Правда...

– Ну ладно, проехали. А то получается, что я на комплимент напросилась. Давай о деле. Я предлагаю тебе принять участие в одном эксперименте для мужчин. – Она помолчала, собираясь с мыслями. Кто его знает, как Олег воспримет её предложение. Решительность никогда не была чертой его характера. Продолжила:

– Профессор Сидоров – видный московский учёный, знаток мужской психологии. Сейчас он работает с молодыми мужчинами от тридцати лет и старше, неженатыми – так что ты как раз подходишь, – помолчала она опять. – Понимаешь, это твой шанс. Нужно всего сто человек, – Наталья заметно волновалась. – Потом, это ведь всё не так просто. А мне Алик Мухин из «Центральной газеты» обещал приглашение достать. Нужно только твоё согласие.

– Что за эксперимент? – переспросил Олег вяло. Ему сейчас ни о чём не хотелось думать, и не надо было ничего кроме её голоса, дружеского участия, горячего чая и уличного шума, врывающегося через открытую форточку. Словно ему грозила болезнь, которая неожиданно отступила. Он был счастлив и наслаждался сегодняшним моментом. Всё-таки он жив. Может вот так сидеть, слушать её голос.

Наталья закурила, кивнув ему: кури, мол. Подождала, пока закурит. Струйка дыма её сигареты расплывалась, смешиваясь с Олеговой, и уходила в форточку. Сколько вечеров провели они здесь, сколько споров слышали эти стены и сколько согласий.

Наталья изящно стряхнула указательным пальчиком пепел в блюдце, стараясь не обращать внимания на его равнодушное лицо, спросила:

– Ты слышишь, что я говорю?

Он кивнул и неопределенно улыбнулся ей.

– Я навела справки об этом эксперименте, – продолжила она. – Во-первых, помогут избавиться от вредных привычек и комплексов. Во-вторых, настроят на создание семьи. В общем, там всё: коррекция личности, гармонизация души и тела и, главное, – главное! – подчеркнула она, – раскрытие таланта! – то, что тебе нужно, – сделала она паузу, наблюдая за реакцией Олега. Стала что-то говорить об оригинальном решении профессора Сидорова, касающегося проблем демографической ситуации, алкоголизма и наркомании.

– Да что ты! Вот уж не думал, что ты веришь в сказки! – улыбнулся Олег. То, что сказала Наталья, каким-то непонятным образом перекликалось с его сном. Нереальностью что ли. Даже не верилось, что серьёзные люди могут заниматься такими проблемами. Он был уверен, что воспитывать и перевоспитывать взрослых людей бесполезно, тем более лечить тех, кто себя не считает больным.

– Это не сказки. Это наука. Мы же в двадцать первом веке живём. И Алик не дурак (хоть и дурак немалый, между нами говоря). Он сегодня встречается с профессором и возьмёт

приглашения для себя и для тебя, если ты захочешь. Я только утром с ним по телефону говорила. Да, чуть не забыла, – прижав сигарету в блюдце, Наталья потянулась за сумочкой. – Я тут принесла тебе брошюры, – отодвинув чашки, положила она перед Олегом две тоненькие книжицы вполне приличной полиграфии. – Эксперимент бесплатный и безопасный. Ты считаешь, поймёшь... Но ответ мне нужен сейчас. Тебе это нужно, Олег! – делала она ударение на слове нужно.

– Ну, если так..., – скептически произнес Олег, безразлично вертя в руках книжицы.

Случайно увиденные фразы цеплялись одна за другую, но почему-то внушали уверенность, и уверенность постепенно брала верх над апатией и душевной ленью.

– Тебе видней. Да и какая в конце концов разница! – махнул он рукой, окончательно сдавшись.

– Ты что, Олег, встряхнись! Сдуй с себя пыль, а то совсем пропадёшь.

«До чего ж он иногда бывает неповоротлив и вял, – думала Наталья. – Даже не верится, что это он создавал те картины, что восхищали московских знатоков». Но она достаточно знала характер своего друга и надеялась, что всё ещё может иметь на него определенное влияние. Да и дело в принципе уже сделано.

– Ой, знаешь, мне совсем некогда. Я на обеде. Ещё в центр надо съездить, лекарство маме купить. И статья у меня в работе.

– Как здоровье Марии Петровны? – спросил Олег, любясь игрой света в её волосах.

– Приступы повторяются, – помрачнела Наталья. – Мне знакомая обещала уникальные таблетки. Вот поеду, – потянулась она к сумочке, вжикнув молнией, повесила её на плечо. Поднялась, расправляя юбку. – Ну, так ты-то как, насчёт эксперимента, решился? Окончательно?

Олег кивнул, вставая.

– Молодчина! Да, кстати, у Маховского юбилей. Тебя хотел пригласить, но до тебя ведь не дозвонишься. Ты чем хоть занимался? Покажи эскизы! – потребовала Наталья, пройдя вслед за ним в комнату. Торопясь, пошелестела бумагами.

– Нет, ты просто бестолочь, – обозвала его всегдашним своим ругательством. – Разве можно время терять? «Кто не знает цену времени, тот не рождён для славы», – процитировала она кого-то из великих.

Просмотрела эскизы для задуманной им на библейские темы картины, отобрала два:

– Вот здесь, кажется, что-то есть, какая-то мысль, – наморщила она лоб, продолжая листать. – А остальные – мертвые... Я говорила тебе, что личная жизнь для художника должна быть на втором плане. Наши суровые будни не для чувствительных девиц, – ударила она его по большому и будто отомстила Танечке, незримо присутствующей здесь.

Олег помертвел. Наталья тут же пожалела о сказанном, но... Кто бы знал, что во всей этой истории больше всех будет страдать он. И как глупо: остаться ни с чем – ни любви, ни вдохновения, ни настоящих друзей. Хотя вот она – Наталья – рядом. И что она ждала от встречи: что он с порога раскроет ей объятия и будет уверять в вечной любви. Ведь это было бы ещё более неискренне, чем все их разговоры сегодня. А почему, собственно, она должна его жалеть?

– Во всём должно быть чувство меры и в любви тоже. – Слова высказывали как бы сами собой, и в них сквозила убийственная рациональность. – Нельзя давать чувствам задушить талант. Ну, что ты мучаешься? От этого ведь никому не легче. Ну, женись на ней. Тебе это надо? – скептически скривилась Наталья.

– Нет.

– Ну, так в чем дело?

– Она ведь была беременна.

– Тоже мне новости! Да знаю я.

– Это ты её отговорила.

– Опять двадцать пять. Ничего я её не отговаривала, просто адрес врача дала. Она могла бы им не пользоваться. Она совершеннолетняя девочка. Признайся, ты же рад был, что всё так устроилось?..

Всё же Наталья жестока. Или в ревности женщины всегда жестоки, думал Олег. И к чему ей этот разговор?

– Зачем она матери-то твоей всё рассказала? Она что, не знала, что ничего вечного у тебя с ней быть не может? – не могла остановиться Наталья.

– Хорошо же ты обо мне думаешь... А впрочем, ты, как всегда, права, – устало согласился он, в который раз натываясь на мысль, что так оно и было, он просто устранился от всех проблем. Иначе он просто не умел.

– А Таня никому ничего не говорила. Мама сама обо всём догадалась. И какое это теперь имеет значение! – Олег поморщился от головной боли – снова закололо в виске.

Он задумался:

– Просто оказалось, что я никого не люблю. А для творчества и для жизни вообще нужно состояние влюбленности, – проговорил чуть слышно.

– Хороша же влюбленность, если от неё хочется в петлю лезть.

– Всему своё время. Время смеяться и время плакать, – вспомнил он свой сон. – Время любить и время ненавидеть.

– Ненавидеть? Зачем? Может быть, лучше любить? – Разговор становился тяжелым, но от перетаскивания глыб ничего не менялось.

– Кого? Как? – растерянно спросил он.

– Меня... Ты меня любишь, просто бежишь от этого, – понизив голос, заявила Наталья.

– Ты самоуверенная девушка! – удивился он переменчивости её мысли.

– Я очень хочу этого. А если я чего-то очень захочу, то у меня всё получается. – Натальины глаза горели, от неё исходила энергия, которой хватило бы на двоих. И хоть это только её энергия, она была заразительна. Самоуверенная оптимистка.

– Всё будет хорошо, – загадочно улыбнулась Наталья, погасив, загнав в глубь глаз свою энергию. Пройдя в прихожую. – Знаешь, я абсолютно уверена, что этот эксперимент тебе необходим.

– Ну-у, – проныл Олег, машинально шагая за ней.

– Что ещё? – спросила она, насмешливо взглянув. Всё же ему нужна не жалость, а плётка, чтобы подгонять как в творчестве, так и в личной жизни.

– Не уходи, – попросил он. – Без тебя я пропаду.

– Это уже что-то, – победно взглянула на себя в зеркало Наталья.

– Я приду завтра, – пообещала она. – Так ты насчёт эксперимента окончательно решился? – вернулась к прежнему разговору.

– Ты умеешь уговаривать.

Она привычно кивнула.

– Ну ладно, мне пора... Не обижайся, – знакомо прикоснулась пальцем к пуговице его рубахи, и глаза их остановились друг на друге чуть дольше, чем она планировала.

– Спасибо тебе, – сказал Олег. – За... всё.

– Чего там! – отмахнулась Наталья. – У тебя щётка для обуви есть?

– Сейчас, – стал нетерпеливо рыться в тумбочке под зеркалом, желая угодить Наталье.

– На улице лужи, грязь, но деревья жёлтые. Золотые листики плавают в лужах, как кораблики. А ты тут сидишь, как бирюк, – передразнила она его, изобразив кислую мину.

Наталья наводила лоск, кружилась перед зеркалом, подбирая позу и взгляд, превращаясь на глазах в чужую элегантную даму. – Приходи к нам сегодня картины смотреть. Выбирайся обязательно, не пожалеешь...

На миг она стала собой, подставляя щёку для поцелуя.

– Ну, пока, – чмокнула воздух и, взмахнув сумочкой, скрылась за дверью. Как метеор. Была – и нет. Но что-то опять в его жизни накрутила.

Застучали по лестнице каблучки. Даже лифта ждать не стала! В прихожей остались чуть слышный запах её духов и серебристые отблески плаща. Модница! Любит элегантные вещи, изящную обувь. Олег не представлял её в фартуке и домашних туфлях. Она вся в мире искусства. А его что, жалеет, любит?

Олег уже не помнил, когда Наталья вошла в его жизнь. Она присутствовала на всех выставках и творческих тусовках, была заметной личностью и пользовалась авторитетом у художников, обладала безупречным вкусом и художественным чутьем. С ней советовались, ей восхищались. Олег сто лет знал её по имени, но завязать более близкое знакомство ему никогда не приходило в голову. Слишком уж недоступной и холодной казалась она, а он был всего лишь начинающий художник. Но как-то она обратила на него внимание, и постепенно он привык к её звонкам, вдруг стало необходимым её присутствие в его мастерской, а затем и в постели. Она быстро привязала его к себе откровенной порочностью хищницы, скрытой за безупречной красотой топ-модели. Такой она ему виделась. А, впрочем, она была современная женщина. А что у них, у современных, в душе – поди, разберись. Тем более, сейчас, после долгой разлуки, когда и сам он, как корабль после кораблекрушения. И всё из-за Танечки.

Нет, Олег не жалел Танечку. Сама пришла, сама ушла. Раздражали её слезы, нравоучения матери по этому поводу. Разве он во всём виноват? Он что, крайний? Обе они в последнее время измучили его, чего-то ждали от него. У него и так ничего не получалось.

Не мог же он забросить искусство и пойти у них на поводу. Этот ребёнок, ещё не родившись, уже стал центром вселенной. А сколько процентов можно дать за то, что он станет хоть сколько-нибудь полезным обществу? Да какой из него, Олега, муж-кормилец? Права Наталья: искусство требует жертв. А в любви надо знать меру. Нельзя позволять никому садиться себе на голову.

После Танечкиного аборта мать перестала с ним разговаривать. Для неё этот неродившийся ребенок важнее собственного сына. А что делать ему, он ведь художник, и никем другим себя не ощущает.

Но сколько бы он ни успокаивал себя, легкая болезненная дрожь в сердце при воспоминании о Танечке и матери напоминала ему мытарства прошедших ночей. Ну, не мог он ничего изменить и никому ничем помочь. Маме бы надо позвонить...

Олег курил у открытой форточки. Благо, Наталья оставила сигареты. Это помогало ему думать.

Полистав книжки, оставленные Натальей, решил: чему быть – того не миновать. Он был благодарен Наталье: думала о нем, заботилась. Любит... Кто её знает, любит ли? И этот эксперимент...

Пришедшее на смену тоске радостное волнение наполнило его жизнь новым переживанием – так всегда бывало у него перед чем-то новым, неизведанным. Радость новизны заслонила собой самое страшное – его равнодушие к жизни, к любимому делу.

Уже месяц он жил как сомнамбула, почти не беря в руки кисти. Наталья и то ужаснулась, увидев его детские беспомощные рисунки. Ху-удожник! Действительно, уехать, раствориться, спрятаться куда-нибудь от своих проблем сейчас – самый выход. И пусть все забудут о его существовании! А дальше – Бог даст.

Сквозь стекло пробивалось солнышко. Путаясь в занавеске, радостно рассыпалось зайчиками по стенам. Дождь, не прекращавшийся всю ночь, решил сделать передышку.

Докурив сигарету, Олег принялся наводить порядок. Помыл пол, почистил раковину, вытер накопившуюся пыль, подключил вновь телефон. За будничными делами окончательно отвлёкся от тяжёлых мыслей.

Пробудился аппетит. Олег начистил картошки, открыл мясные консервы. Кухня наполнилась соответствующими ей ароматами. Увидел, что нет хлеба.

Подхватив пакеты с пустыми бутылками, спустился к мусоропроводу. Сбежал по лестнице вниз, вдохнул свежего воздуха. Осень действительно была самая что ни на есть золотая! Распушились клёны и вязы, аллея стала уютной и бордово-золотистой. Ученики возвращались из школы. Молодые мамы катили коляски с детьми. Голубело небо. Привычно шумел город.

Жизнь шла своим чередом.

В магазине ему приветливо улыбнулась знакомая продавщица. А у него откуда ни возьмись мелькнула вредная мысль, что не будь его, всё осталось бы по-прежнему. И люди бы также здоровались и улыбались друг другу.

– Давно вас не было видно? – спросил сосед-пенсионер, отоваривающийся в этом магазине. – Всё рисуете?

– Ага, – ответил он.

Нет, никто его не забыл, и люди ему по-прежнему рады. Но им невдомёк, через какие мучения проходит душа художника в творческом кризисе. И это вдобавок к тем стрессам, что всем несёт современный мир.

– Осень-то, осень!.. –прищёлкнул языком пенсионер, ища подходящее слово. – Пора трудов и вдохновенья!

Олег кивнул, наблюдая за ловкими и одновременно плавными движениями красивых рук продавщицы. Олег любил, когда его обслуживала она. Чувствовалось, что работа ей в радость.

– А вы ещё красивее стали, – сказал он.

– Ну что вы, – смутилась она.

– Правда, правда, – уверил Олег, забирая из её рук пакет.

Подойдя к своей двери, услышал телефонный перезвон. Он всё ещё кому-то нужен! С порога бросился к аппарату:

– Аллю?

Трубка помолчала и плеснулась радостно-тревожно:

– Олежек! Наконец, дозвонилась. Как дела?

Олегу ясно представилась мамина тесная прихожая и она – одинокая, ждущая, напряженно застывшая в стареньком кресле.

– Mam, я рад... – проглотил он конец фразы. Жалость неожиданно сильно сжала сердце. Трудно стало дышать. – Ты... я, – неумело пытался оправдываться он.

– Я к тебе сейчас приду, можно? – спросила Полина Игнатьевна.

– Ну, о чём ты? Конечно! – ответил он, проглотив комок, торопливо ответил он.

Глава 3

Через сорок минут мать позвонила в дверь.

– Mam, ты прости меня, что заставил волноваться, –целуя её в пахнущую духами щёку, сказал Олег. – Проходи, садись, – забрал он у неё сумки.

– Я тебе тут поесть принесла, – Полина Игнатьевна поправила тщательно уложенные волосы и провела рукой по лицу, успокаивая дрожащие веки.

– ...Похудел-то как! – не сдержалась она, не сводя глаз с сына.

И как он мог подумать, что никому не нужен. Мать ведь есть мать! Сколько он себя помнил, мама всегда была рядом, водила его в музыкальную и художественную школы, спорила из-за него с учителями и врачами, училась вместе с ним. Из-за его частых болезней она оставила работу, да так и осталась домохозяйкой.

Став взрослым, Олег стал тяготиться материнской опекой, и вечно занятый отец поддерживал его стремление к самостоятельности. Так у него появилась эта маленькая квартирка.

– Ну, как ты? Как? – повторила мать свой вопрос.

– А ты как? – ответил он вопросом на вопрос. – Не болеешь?

– С тобой да не заболеешь, – заворчала мать. «Глаза красные. Цвет лица... А ведь отец совсем не пил», – подумалось ей.

– Мам, ну всё же хорошо. Ко мне Наталья приходила сегодня.

– Чего уж хорошо. На тебе лица нет. Не ладится работа? – догадалась она.

– Не ладится, – согласился Олег обреченно.

– Может, бросить тебе всё. Жениться, устроиться куда-нибудь? – страдальчески-вопросительно взглядывала мать.

– У меня другие планы, – стараясь не встречаться с матерью глазами, ответил Олег.

– С планами твоими с ума сойти можно, – невольно приложила руку к сердцу Полина Игнатьевна – что-то опять закололо.

– Ну, мам, – успокаивал мать Олег, придерживая её за плечи и по-детски заглядывая в глаза. Чего она так разволновалась? Всё наладится, теперь уже верил он, поддаваясь хорошему сегодняшнему настроению. – Всё будет хорошо! – с расстановкой проговорил он.

– Я всё о тебе передумала и ничего не надумала, – не слушала его Полина Игнатьевна. Она знала, что хорошее его настроение, ни на чем не основанное, долго не продлится. Нужно трудиться, над собой в первую очередь. А он этого не хочет. – Какой ты маленький был! За всё брался, всем интересовался. Упрямый! Талант! Учителя великое будущее пророчили. И тогда ведь было нелегко. – Взгляд Полины Игнатьевны затуманился.

Она любила вспоминать школьные годы сына. Олег был послушным, и матери не приходилось за него краснеть. Учеба давалась ему легко, несмотря на дополнительную нагрузку в музыкальной и художественной школах. Когда-то она мечтала, что Олег станет музыкантом. Родителям всегда кажется, что их дети добьются в жизни того, чего не смогли добиться они. В доме не смолкал звук фортепиано. Но поняв, что сына больше привлекают краски и кисти, мать, как ему казалось, с легкостью простилась со своей мечтой. И вот уже она склонилась вместе с ним над столом. А он, белокурый мальчик, водит вспотевшим от волнения пальчиком по цветным репродукциям раздобытого матерью альбома и шепчет волшебные имена художников.

Тогда они были похожи друг на друга цветом волос и голубыми глазами. Но с возрастом волосы у Олега приобрели темно-пшеничный оттенок, а в чертах лица, скулах и костистости носа проявилась отцовская мужественность. У матери волосы, наоборот, побелели и распушились, но она по-прежнему тщательно закрашивала седину и укладывала волосы красивой золотой волной.

– Мам, ну ты о себе расскажи. Что твоя ученица?

– Оленька – молодец! Так чувствует музыку! Она всё лето занималась. Тот трудный этюд, помнишь, он тебе всё не давался? Она сразу его одолела.

– Помню, – кивнул Олег. Хотя давно забыл все этюды. А мама по своему обыкновению путает фантазию с реальностью, уходит в воспоминания.

– Оленька мне все тайны свои доверяет. А ты? От родной матери прячешься! – вырвалось с обидой у Полины Игнатьевны. И снова закололо сердце.

– Мам..., – начал было Олег.

– Молчи уж, стыдно матери не доверять. Ты ведь маленький был – всё мне рассказывал. Как в первый раз влюбился, помнишь? В девочку из соседнего подъезда? Да как весь снег у них под окном раскрасил?

– Помню. Первый мой художественный опыт. Уж и мучился я, и горд был. А снег растаял... – и всё.

– Сколько тебе тогда было? Да девочку-то как звали, запомнила?

– Десять лет. Леночка в параллельном классе училась, и внимания на меня так и не обратила. До чего обидно было.

Они замолчали, думая каждый о своем.

– Мам, я тебе должен что-то сообщить, – сказал Олег. – Ты только не волнуйся...

– Хорошее начало! – вырвалось у Полины Игнатьевны.

– Я решил в эксперименте одном принять участие... Наталья меня уговорила. «Идеальный мужчина» называется, – Олег погладил дрогнувшую материнскую руку.

– Что? Какой еще эксперимент? – настороженно спросила она.

– Там врачи-психотерапевты, наркологи и... ну, в общем, идеального из меня сделают, – с остановкой проговорил он...

– Ой, Оле-ег! А это не опасно? – в голосе матери зазвучал страх. – Да ты у меня и так идеальный.

– Я всё решил. В понедельник поеду в клинику. Профессор Сидоров. Может, ты читала? Про него много пишут. – Встав, он принес из кухни брошюры. – Вот, посмотри...

– Как же так, Олег? – волновалась мать, теребя в руках брошюры. Поняла, что спорить бесполезно.

– Ты возьми, почитай дома.

Она машинально кивнула.

– Это так неожиданно. Надолго это? – достала платочек – глаза стали слезиться.

– Мам, я уже взрослый. Потом, ты же сама хотела, чтоб я женился, – обнял её сын, успокаивая. – А там, кажется, и это запланировано... Я обязательно тебе позвоню в понедельник, как всё пройдет.

– Что ж мы сидим-то! – засуетилась Полина Игнатьевна, пряча глаза, боясь выдать обиду, – опять всё решил без нее. Всё Наталья да Наталья! Какая из нее жена? Она и готовить-то не умеет! Олег сам всё.

– Чем хоть ты тут питаешься? – пройдя на кухню, спросила Полина Игнатьевна.

– О, у меня картошка есть, бутерброды Натальины остались, – весело ответил Олег.

Полина Игнатьевна приободрилась, и они стали вместе, как в детстве, хлопотать над столом. Мать достала из сумок теплоукутанный борщ, курицу, стала командовать по старинке, а Олег ей с радостью подчинялся. Нарезали салат, мать умело его украсила, всё расставила на столе.

За едой о проблемах не говорили – так издавна было заведено матерью. Восхищались осенью. Это было их любимое время года. Вспоминали стихи. Когда-то это была их игра: кто больше вспомнит стихов.

– Может, оно и правильно, что ты так надумал. Может, всё к лучшему, – сказала мама.

– Я тоже так думаю, – ответил Олег.

– В гору всегда трудно подниматься, а с горы легко катиться, Олежек... – говорила она. – Я, пока ты болел, в церковь ходила, свечи за тебя поставила и Богородице – Неупиваемой чаше, и Николе-угоднику... Сон мне приснился, будто тебя маленького песком засыпало и ты чуть не умер. Но какие-то люди помогли тебе выбраться, и ты жив остался. Чудом, понимаешь?

– Ну, мама, что ты? Со мной ведь ничего такого не может быть.

– Ты ведь у меня единственный сын. Я боюсь за тебя, как бы ты с пути не сбился, себя совсем не потерял... Тебе уже тридцать лет, а у тебя ни работы постоянной, ни семьи. А я ведь обыкновенная старуха, я внуков понянчить хочу.

– Мам, ну какая ты старуха?

– Да-а, – протянула мать раздумчиво. – Маленькие детки – маленькие бедки... – Полина Игнатьевна замолчала. Взглянув на Олега, заговорила нерешительно, собираясь с мыслями:

– Не знаю, сказать тебе или нет... Танечку я тут встретила с молодым человеком. О тебе поговорили. Она зла на тебя не держит.

У Олега кольнуло в груди – быстро же она его забыла. Но вслух сказал:

– Я рад за неё.

– Она сказала, что по-прежнему остается твоей поклонницей. Эх, Олег, она могла бы стать тебе хорошей женой!

– Мама... Ну, сколько же можно об этом.

– Я боюсь, что ты ещё пожалеешь о ней.

– Мама, я её не любил. Да и она, по-видимому, тоже.

– Вот это неправда. Что ты, мальчишка, знаешь о женской любви? – горячилась мама.

– Не нервничай, мам.

– Да и что такое любовь? Это труд совместный, умение прощать, верность!

– Верность чему? Скажи ещё, супружеские обязанности.

– Да, и супружеский долг.

Вот так всегда случалось с ними. Неожиданно распорятся. Всё же мать принадлежит к другому поколению и в чём-то не может его понять.

Полина Игнатьевна молча собирала сумки и удивлялась, почему сын не хочет понимать очевидных вещей.

– Неужели эта Наталья лучше? – спросила она с оттенком неприязни.

– С Натальей мы друзья.

– Это ты ей друг. А у неё, может быть, другие планы. Сколько ей? Под тридцать? Ей замуж давно пора.

– Мам, ты её совсем не знаешь!

– А ты себя не знаешь. Округлит она тебя.

– Мне теперь три месяца не до женщин будет.

– Ой, Олег, – снова заволновалась мать перед неминуемым расставанием. – Ты на меня не обижайся, – собираясь уходить, проговорила она. – Я тебе добра желаю и верю в тебя. В отца твоего верила и в тебя тоже. Ты, как он – упрямый. Всё равно на своём настоишь.

– Мам, всё будет хорошо, – целуя её и помогая ей одеться, говорил Олег.

– Ладно уж, – ворчала Полина Игнатьевна. – Я тебе вечером еще позвоню, можно?

– Конечно, – согласился сын.

– А завтра приходи на обед. Обязательно. Только без Натальи приходи.

– Хорошо, мам, завтра приду.

– Я тебе там деньги оставила на столе, – сказала Полина Игнатьевна. – Не умирать же тебе с голоду.

Олег проводил мать до лифта, проследил из окна за удаляющейся в направлении остановки материнской фигурой.

Как любил он в детстве угадывать из окна материнскую стремительную походку. И, встретив её в прихожей, уткнуться в её теплую грудь, пахнущую духами и ждать, что же она для него достанет из сумки.

Как жаль, что навсегда ушли те времена, где всё было просто и ясно, и мама с папой знали ответы на все вопросы.

Полина Игнатьевна торопливо шла по улице, а мысли её все ещё были с Олегом. Какой он не приспособленный к жизни. Всё витает в облаках. Может, и правда ему нужен эксперимент? Но Наталья! Представить её своей снохой Полина Игнатьевна не могла. Такие ли девушки были в её пору! Да что он может понимать в женщинах, в жизни – её маленький Олежек!

Последнее время она часто вспоминала молодость. За обложкой старого альбома нашлась давно потерянная фотография Славика.

Находка взволновала Полину Игнатьевну. Она так и замерла с фотографией на коленях, уйдя в прошлое. Теперь такое с ней случалось, она могла несколько минут просидеть как бы в прострации. Нахлынули воспоминания, прихватило сердце, и пришлось пить корвалол. Оказалось, что эти воспоминания болезненны, и память, может быть, жалея её, куда-то прятала

их до сих пор. Память всегда подсовывала общие, стандартные воспоминания: походы, праздничные вечера в музыкальном училище, первые успехи.

А ведь её настоящий успех начался со Славика. Ей и раньше говорили, что она талантлива, аплодировали на концертах. Впрочем, как и некоторым другим. Но поверила она в себя тогда, когда ей, никому неизвестной молоденькой аккомпаниаторше, преподнес букет смущённый худенький паренёк. Это был Славик. В тот миг она была под властью музыки, он тоже. И после ей казалось, что их души настроены одинаково.

Как много у них было общего! Но жизнь всё решила по-своему.

Кто в молодости не делал ошибок, ведь разобраться в жизни в двадцать лет очень трудно... Нет, мужем Полина Игнатьевна была довольна. Его и сына она любила самоотверженной любовью, подчас совсем забывая о себе. Теперь она терзалась этим. Всё ли она сделала правильно в своей жизни. Может, в бедах своего сына тоже виновата она? А своя, личная жизнь? Ей стало казаться, что, выйди она замуж за Славика, жизнь могла бы сложиться по-другому, лучше для неё.

Что она сделала доброго в этой жизни? Но поздно, поздно. И у неё ведь есть Олег. Теперь ему предстоит искать ответы на вопросы: что такое любовь? что такое счастье? И решать сложные задачи, которые ставит порой жизнь. Справится ли он, и чем она, мать, может ему помочь?

Глава 4

Всё же сегодня Наталья устала. Её измотали статья, разговор с Олегом, суета вокруг картин. Вечером она повезла статью в журнал и попала на субботнюю попойку по случаю премии знакомого журналиста.

... – У-у, Наталья, – загудели радостные от выпитого журналисты.

Вадик – самый популярный репортёр журнала – стряхнул со своего плеча руку изящной, но чересчур болтливой Юли, бросился обниматься.

– Поздравляю тебя, Вадик, растёшь, – коротко улыбнулась Наталья, уклоняясь от объятий.

– Штрафной! Штрафной! – кричали со всех сторон.

Запах духов, сигаретного дыма и спиртного дыхания восьми человек заполнил небольшую комнатку. Столы сдвинуты, на полу и подоконниках – кожура от апельсинов и бананов...

– Так, так, – вышел на шум главный редактор Смоляков. – Наталья, прошу ко мне. – Ему пришлось повысить голос, чтобы перекрыть гул своих подчинённых.

– Ну, босс сейчас к чему-нибудь придерётся. Час уже её ждет, – злорадно сказала, облизывая пальчики, измазанные шоколадом, Юля, снова очутившаяся рядом с Вадиком.

– Да чего там! У Натальи всегда все о'кей, – сказал он. – Серёг, ну-ка ещё по одной, и расскажи, что у вас там за дела с профессором Сидоровым? – спросил Вадим пришедшего незадолго перед Натальей Сергея Парфёмова, своего друга, спецкора из «Центральной».

– Мухин там чего-то копает. Взял отпуск на три месяца для участия в эксперименте. Кстати, я случайно подслушал разговор его с ней, – кивнул он на дверь и понизил голос. – Якобы Мухин приглашение в клинику для Олега Дубова – её дружка – достал.

– Ну-ка с этого момента поподробней. Давно мы о Дубове не писали. Отойдём-ка, – поставил Вадик рюмку, глаза его загорелись. – Кыш, Юлька, у нас мужской разговор, – беззлбно прогнал он девушку.

Та, скорчив обиженную гримасу, отошла.

– У Дубова творческий кризис. Ты помнишь, как его критиковали на последней выставке? – спросил Сергей. – Рисунок слабый, неоригинальны цветовые решения. Техника подавляет вдохновение. «Провинциальный калейдоскоп» тогда постарался. А Маховский вообще назвал его творческим импотентом...

– А... Маховский! Наш местный Фрейд! «Связь эротики и искусства», – засмеялся Вадик.

– Помнишь его эротический натюрморт? – прыснул Сергей.

– Ха-ха, – Вадик склонился с сигаретой к сидевшему на подоконнике Сергею. – Кстати, нашему корифею на днях стукнет полтинник, ты знаешь?

– Тише ты, обожжешь меня, – остановил тот друга. – Мне он как-то не очень интересен. Я думаю, Дубов намного талантливее.

– Кто бы спорил... А у Дубова действительно на этой почве проблемы? – изображая щелчок у горла, спросил Вадим, не обращая внимания на боящегося за свой костюм Сергея.

– Кто его знает. О нём последнее время вообще ничего не слышно. А ты у Натальи разведай! – посоветовал ему Парфёмов. Вадим скептически скривил губы.

За столом раздался взрыв женского смеха. Оба присоединились к застолью.

Наталья вскоре вышла, с победным видом подняв два пальца вверх. До её слуха донеслись обрывки разговора, взаимные шуточка и подколы коллег. Она не стала поддерживать разговор, отнекивалась на все предложения. Ссылаясь на усталость, заторопилась домой.

– Наталья, ну когда ты ещё придешь, – помогая ей одеться, донимал пьяной нежностью Вадик. – У меня сегодня повод, домой можно не спешить, поболтали бы по старой дружбе, – погладил он её по плечу, касаясь щекой её волос. – Ты же знаешь, как я к тебе отношусь!

– Домой, Вадик, всегда надо спешить. Тем более, когда там жена и дети.

– Фу, – сморщился обезоруженный Вадик. – Как ты прозаична. – Мы ведь даже за твой успех не выпили.

– С Юлей выпьешь, – кивнула Наталья в сторону раскрасневшейся журналистки. – Да тебе, мне кажется, уже хватит на сегодня, – сказала она.

– Мне? – удивился он и тихо добавил. – Как скажешь... А хочешь, я всех их брошу, и мы с тобой уйдем отсюда?

– Зачем? – холодно ответила она. Когда-то у них был короткий роман, который не имел шансов на продолжение. Неужели он этого так и не понял. Или он считает, раз она одна, то...

– Ну, Вадик, всё, – с силой разжав его цепкие объятия, увернулась-таки Наталья. Она знала, что к утру он забудет, с кем пил, с кем обнимался и кому объяснялся в любви.

– Ну, всё, пока всем, – попрощалась Наталья у двери, послав воздушный поцелуй. Под укорованным взглядом уборщицы вступила на мокрый пол лифта. Вздохнула – сегодняшний день наконец-то кончился.

Мягко захлопнулась стеклянная дверь редакции, и она вдохнула густой осенний воздух. Уютно светили фонари. Тротуары были полны влюбленными. Дробились, отражаясь в стёклах авто, вечерние огни. Первые этажи на этой улице сплошь занимали кафе и ресторанчики, мелькая призывными огнями. Компаниями и парочками к ним спешила молодежь. Раздавались смех, сигналы машин и мобильных телефонов. Выше тепло светились занавешенные окна квартир, отождествляя собой семейный уют.

Похолодало. Уличный ветерок сдул с неё заботы дня и приторный флёр вечеринки. На остановке она находилась почти в одиночестве. В её сторону автобусы ходили плохо.

Чем там занимается сейчас Олег? Думает ли о ней хоть немного? Наталья рада была, что с экспериментом всё так быстро уладилось. Алик Мухин звонил ей и сообщил, что приглашение на имя Олега уже у него в кармане.

Завтра с утра она заедет к нему и заберёт. Затем поедет к Олегу, он её будет ждать. Олжек, глупый маленький мальчишка, куда он без неё? Её снова охватила жалость, едва вспомнились его худое застывшее лицо и грусть в глазах. Женщины всегда его жалели. А бабья жалость, как известно, и есть любовь. Вот жалость мужская не похожа на женскую. Она часто ведёт в постель, там же и заканчивается.

О Наталье ходили слухи, будто у неё было много любовников. Но это было не так. Даже если страсть и толкала её в чьи-нибудь объятия, она же и унижала её отсутствием любви. Повторно она уже ни с кем не встречалась. И лишь в Олеге она почувствовала родство. Будто она была частью его тела, как рука или нога. Она совсем его не стыдилась. В период их близости он создал ряд интересных женских портретов, и хоть навеяны они были литературными и драматическими образами и писались с разных натурщиц, Наталья везде угадывала себя. И неудивительно, она столько времени проводила с художником, направляла его кисть. Выдыхала вместе с ним душу в его творения. И вместе, только вместе они добились успеха. О нём заговорили, брали интервью газетчики, снимали для телепрограмм. И он пошел в гору. Развил свой талант, ушёл в своих мечтах и их воплощении дальше Натальи. Она только удивлялась и вдохновляла его.

И вдруг появилась Танечка. Как всё в жизни бывает вдруг и некстати! Наталья будто лишилась тела, души и смысла жизни. А приходилось жить, улыбаться и делать вид, что ничего не произошло, что главное для неё – работа, а любовь – это так, для молоденьких девочек.

И вот теперь Танечки нет, и ей необходимо стереть в душе Олега всякую память о ней. Она сможет, ведь она красива, умна, и она любит его. Любит, как никакая другая его не любила.

Глава 5

Утром Наталья встала рано. Можно было поспать подольше, но не спалось. Вымытые с вечера волосы распушились и пахли шампунем. Она посидела перед зеркалом, улыбаясь самой себе, накрутила волосы на спиральные бигуди – хотелось быть красивой. Напевая, занялась завтраком.

– Ты никак куда-то собралась? – медленно со вздохами усаживаясь на табурет, спросила мать.

Дымился в чашках кофе, аппетитно пахли блинчики.

– Собралась, мам, – подливая молоко, ответила Наталья, ничего не объясняя. В умных глазах Марии Петровны мелькнула догадка. Она опустила глаза, окончательно осознавая, что её догадка верна, поправляя на груди цветастый фланелевый халат, – всё время мерзла. Незаметно вздохнула.

Мать у Натальи полная, одышливая. Сердечная болезнь и связанная с ней неподвижность сделали её такой. Они совсем непохожи внешне. Но было у них и общее: умение быстро реагировать на события, здравомыслие... и гордость. Благодаря последней Мария Петровна всю жизнь прожила одна, даже алиментов на дочь ни от кого не получала. Проработала всю жизнь скромным библиотекарем. Но для дочери желала жизни другой – яркой, поэтому с детства приобщала её к искусству. Теперь она могла быть довольна: у дочери хорошая работа, её статьи печатаются в журналах. Вот только с семейной жизнью никак не складывается. Втайне мать корила в этом себя. В то время, когда все подружки пропадали в компаниях, её Наташка сидела за книгами. Лучшее время было упущено. Подружки повыходили замуж, а её красавица-дочка все была одна. Правда, потом со сменой работы всё изменилось: Наташка стала бывать на людях, появились поклонники. Они приходили, обрывали телефон, попадались даже серьёзные люди. Да всё ненадолго. Наташка почему-то очень быстро во всех разочаровывалась. «Уж не в старых ли девах ты собираешься оставаться?» – сокрушалась Мария Петровна. «А что, это идея», – шутила в ответ дочь и уходила с головой в работу.

А когда три года назад появился Олег, Марии Петровне он не понравился. Они вместе с дочерью критиковали его образ жизни и некоторые произведения, но, несмотря на это, Наташка всё больше влюблялась в него. Такого ли желала мать для своей дочери – быть женой художника! – терпеть его нервы, беспорядочную жизнь. Но на удивление, оказалось, что ни он, ни она и не думают о женитьбе. Мария Петровна уж готова была стать бабушкой внебрачному ребенку. Но и это было не суждено. «Какой ребенок, мама, откуда? У таких, как мы, детей не бывает». – «Что же за жизнь ты себе приготовила, дочь?» – задавалась вопросом мать.

Мария Петровна очень любила дочь, но, привыкшая к сдержанности, скрывала это. И вот сейчас каким-то вторым чувством догадалась, что опять объявился Олег.

– Не связывалась бы ты с ним. Он же одни несчастья тебе приносит, – не сдержалась мать.

– Мама, ты всё преувеличиваешь, – удивленно вскинула изящно очерченные брови дочь. – Он сейчас совсем один. Ему некому помочь. К тому же с завтрашнего дня он ложится в клинику профессора Сидорова. Помнишь, я тебе про него рассказывала? Я должна отвезти Олегу приглашение.

– Ой, дочка, не верю я в твоё с ним счастье. Поверь мне, коль раз он тебя оставил, оставит и ещё. А мне так хочется тебя счастливой увидеть. Вот увижу тебя с хорошим мужем, тогда и умирать можно. Я чувствую, мне недолго осталось.

– Мам, ты эти мысли брось. Я буду счастлива, и ты это увидишь, и внуков ещё вырастишь.

Мария Петровна вздохнула, уже не таясь.

– Я ненадолго сегодня. Часа на три. Надо помочь ему собраться. А потом мы устроим с тобой грандиозный пир, – поцеловала Наталья мать. – Ты таблетки приняла?

Мать кивнула, чувствуя, как боль теснится в груди и становится трудно дышать. «Ну что ты с ней будешь делать? Летит, как бабочка, сама не зная куда, не понимая, что можно не только крылья обжечь, а и душу опалить».

Не такой ли была она сама, когда влюбилась в женатого профессора-филолога. Да настолько, что однажды, засидевшись с ним допоздна в библиотеке, сама объяснилась в любви. Ей тогда было столько же лет, сколько и Наталье.

Профессор уехал к семье в Москву, и Машиной судьбой, а тем более судьбой дочери никогда не интересовался.

Альберт Иванович Победимцев... Надо когда-нибудь собраться и всё рассказать дочери.

– Мамочка, я обязательно приду к обеду, – целуя мать на прощанье пообещала Наталья.

– Иди уж, – любуясь дочерью, сказала мать. Необычайно хороша она сегодня: локоны рассыпались по плечам, в глазах душа светится. Мать отвела глаза. Ох, не к добру всё это!

Мария Петровна боялась таких порывов дочери, если это не было связано с работой. Наломает дров, потом жалеть будет. Спрячется, как улитка, со своей болью... Мало ли этот Олег боли ей принес своими изменами. Теперь он одинок, и она к нему побежала. Но ведь не любит он её! Да неужели ж дочь ждёт та же судьба, что и мать? Быть однолюбкой – это всё равно что обречь себя на одиночество. Мария Петровна доковыляла до дивана, привалилась к подушке, закрыла глаза...

Глава 6

Воскресное утро было в разгаре, улицы заполнялись народом. В основном это были мамы с нарядными детьми, попадались и целые семьи. Неподалеку раскинулся приезжий цирк, и все направлялись туда. Цирк – это здорово! Это детство, праздник. «Хорошо бы с Олегом сходить в цирк», – подумала Наталья. Однажды они были с ним в зоопарке. Вместе смеялись над макаками, сочувствовали медведю, грустно глядевшему из клетки. Тогда это особенно сблизило их. Впрочем, тогда они и без этого были близки. Наталья ловила на себе заинтересованные взгляды прохожих и радовалась солнечному дню, ветерку, развевающему локоны.

Всё будет хорошо! Она верит в свои силы.

Алик Мухин ждал её. Чисто выбритый, он благоухал модным ароматом в смеси со вчерашним спиртным.

– Ух ты, и для кого такое счастье? – картинно припав к ее руке лягушачьим ртом, промурлыкал он. Наталье была знакома его фальшивая манерность. Ну что поделаешь, любит Алик яркие слова и красивые жесты. – И почему это не для меня? – продолжал он, слегка проводя кончиками пальцев по её талии, отчего Наталью неприятно бросало в дрожь. – Стбит ли этот

бледный рыцарь та-акой женщины? – подчеркнул он. Наталья знала Мухина давно, и сегодня была готова терпеть его кривлянье, но руку его всё же отвела.

– Брось ты, Алик, – остановила она, не в силах скрыть отвращение.

– Слушаюсь, слушаюсь, – демонстративно опустив руки по швам, сказал Алик. Трагически молчал, нервируя паузой опустившую глаза Наталью.

– Поздравляю. Слышал, статейка шикарная готовится в «Культуре», – продолжил, довольный произведённым эффектом. «Пришла просить, а ещё недотрогу из себя гнёт», – усмехнулся он про себя.

– А-а, не с чем ещё, – отмахнулась Наталья.

– Мне что ль написать о ружьишках. Ведь у них, наверняка, интересное прошлое, – мечтательно сказал Алик.

– Займись, проведи исследование, придумай что-нибудь, – проговорила Наталья, зная о его чёрной зависти к чужим успехам.

– Да нет, пожалуй, не буду у тебя хлеб отнимать. Меня профессор Сидоров очень заинтересовал. Горячий материал может получиться. Я ведь не ради себя, а ради дела иду на эксперимент. Интересное дело наш профессор затеял, вот только что из всего этого получится неизвестно.

– А я, насколько о нём читала, почему-то верю в успех, – приободрилась Наталья.

– Ну, держи, – протянул Алик, достав откуда-то сзади синий конверт. Подхватил двумя руками Натальину руку. – До чего хороша, отпускать не хочется, – промурлыкал он, заглядывая ей в глаза.

– Спасибо тебе, – нашла в себе Наталья силы и улыбнулась. До чего противны бывают иные комплименты. – Пока! – попрощалась она.

– Пока-пока! – сладким эхом, расплываясь в улыбке, сказал Алик. – Может, всё же зайдешь на минутку, подождёт твой Олег, – вкрадчивым голосом, несоответствующим похолодевшим вдруг глазам, спросил он.

– Ну что ты! – уже на бегу крикнула Наталья. На лице Алика отразилась ненависть – истинная суть его души.

Но Наталья этого уже не видела. Ей казалось, что он обладает удивительной, какой-то детской непосредственной навязчивостью. С той только разницей, что дети ни в чём не ищут выгоды, а Алик искал её во всём. Он любил делать небольшие услуги с дальним прицелом, сам предложил Наталье достать для Олега приглашение, объясняя это заботой о нём. Наталья была рада этому предложению, и не успела подумать о том, какие цели преследует Алик. Думать ей и без него было о чём.

Три остановки на трамвае – и она у Олега. Как всё же здорово, что тебя где-то ждут, ждёт любимый!

В лифте празднично пахло духами. Выйдя на девятом, с замиранием сердца ждала ответа на звонок. В том же волнении ткнула Олегу в грудь и вместо приветствия подставила губы для поцелуя. Разве она этого не заслужила? Ощутила на губах осторожный поцелуй. Ещё. И ещё.

– Наташка, какая ты молодец! – сказал удивлённый и ошеломлённый Олег. – Ты знаешь о том, что ты самая лучшая женщина на свете?

– Держи, – достала из сумочки приглашение Наталья.

Он такой близкий и родной, но всё ещё очень бледный. Одна из его поклонниц сравнила его с благородным принцем. Сейчас он был именно такой. А какой он был на самом деле? Наталья любила его всяким. Всяким. И всё ему прощала.

– Ты – золото! – всё ещё не отпускал он её. – Ты вернула меня к жизни.

– Ну, всё-всё, времени нет, – сказала, выскальзывая из его объятий, Наталья. А кто-то ещё сомневался, что он её любит! – У нас на всё про всё три часа. В обед мне надо быть дома.

– И я должен у мамы обедать, – сказал Олег. – Ну-ка, что тут за приглашение? – с интересом разглядывал Олег открытку с его именем и сложной аббревиатурой научно-исследовательского института. – Ого!

– Переодевайся давай! – торопила его Наталья.

Им ещё нужно было обежать магазины, у Олега даже приличной сумки не нашлось, куда можно было бы сложить вещи. И ещё сколько разных мелочей, упомянуть которые он, конечно, был не в состоянии.

Они закрыли дверь квартиры, дождались автобуса и поехали в центр. Всё делали дружно и слаженно, словно были образцовой семейной парой, отправляющейся в выходной день за покупками.

Обошли торговые ряды. Уставшие от шума и толчеи, присели в уличном кафе.

– Вечером я приглашаю тебя на ужин, – в духе старинных романов сказал Олег.

У Натальи дух захватило – умел он в банальнейшую фразу вложить иной, возвышенный, понятный лишь двоим смысл. Будто коснулся души ласковый ветерок.

– Приглашение принимается, – ответила она, улыбнувшись.

На обратном пути Олег купил подруге букетик пёстрых растрёпанных астр. Наталья притихла. Цветы шли к её чёрным волосам, в глазах, прячась за ресницами, светилась их общая тайна.

– Смотри, какие яблоки! – увидела Наталья у старушки на углу крутобокие антоновки.

– Возьмём? – спросил Олег. – Ты ведь любишь яблоки? – И принял от улыбающейся старушки пакет.

– Кушайте на здоровье. И дай вам Бог счастья! Никогда не расставайтесь! – напутствовала их старушка.

Да, они и были счастливы.

Обычно люди пытаются спрятать счастье от чужих глаз, это беду выставляют напоказ в надежде на жалость и сочувствие. Счастьем же делиться с другими необязательно. И только влюблённые не в силах ничего утаить.

Со стороны они выглядели влюблёнными. Наталья чувствовала в себе столько любви, что, казалось, хватило бы на весь мир. Вроде не было сказано ничего особенного, те же листья на асфальте, такой же день, как и вчера, но он ощущался как счастливый.

Они шли по хрусткому ковру из листьев, любуясь солнцем, скользящим сквозь золотую вязь деревьев, бросали друг другу ничего не значащие фразы и знали: эту ночь они проведут вместе.

Вечером унылая квартирка Олега была наполнена счастьем. И даже больше чем счастьем, ожиданием его. Олег гениально жарил мясо, чистил картошку, не подпуская ни к чему Наталью, – находила иногда на него такая блажь. Наталья любовалась его руками, и не было для неё никого ближе. А из-под его рук мягко струились картофельные стружки.

– Ты сегодня у меня в гостях, – говорил он Наталье. Она соглашалась, но было странно чувствовать себя гостьей в доме, где когда-то была почти хозяйкой.

Они пили вино, слушали музыку. Она не узнавала его. Её Олег – был Олег-художник, а сейчас перед ней был просто мальчишка. Что-то открылось в нём, простое, человеческое, примитивное, может быть. Они, как и накануне, совсем не говорили об искусстве, не спорили о художниках и их картинах. Они и дальше инстинктивно соблюдали это негласное табу. Наталья чего-то ждала от Олега, от сегодняшнего вечера. Она знала: она ему нужна.

– Я с тобой будто вернулся к жизни, – сказал он, сидя за столом напротив неё. – А жизнь такая большая. И в ней много всего: и плохого, и хорошего.

– В ней больше хорошего.

– Тогда за хорошее! – поднял Олег бокал. – Сегодня и правда хороший вечер. Золотой. Посмотри за окно: какие листья в свете фонарей! Чудо!

– Можно ведь быть просто человеком, любить и быть любимым. Праздновать, в конце концов. Как мы с тобой, – говорил он.

– И что же мы празднуем? – спросила Наталья, опуская взгляд в бокал, будто пытаясь на дне его отыскать ответ на свой вопрос.

– Праздник душевного равновесия. Осенний бал, – сказал Олег.

– Лишь бы только не равнодушия, – заметила Наталья, вздохнув.

– Ну что ты! – запротестовал Олег. – На празднике нет места равнодушию, – продолжил он. – Сейчас я буду за тобой ухаживать. Такого эскалопа ты не ела давно, уверяю тебя, – наполнил Олег её бокал. – Ты должна его оценить. Но после этого бокала.

– Ты сегодня решил меня спить? – смеялась Наталья; ей сделалось радостно и тепло на душе. Нежданный и странный вечер! Такие, наверно, бывают раз в жизни.

Потом они вместе убирали со стола, касаясь друг друга руками. По очереди принимали ванну. Когда Наталья вышла из ванной, Олег с полотенцем на бедрах жонглировал яблоками и апельсинами.

– Ты ведь хотела в цирк?

– Когда ты так научился жонглировать? – удивилась Наталья, смеясь.

– Сегодня, пока тебя ждал. Оп-п! – наклонился он, подхватив у пола яблоко.

Наталья шагнула к нему и нарушила яблочно-апельсиновую радугу. Фрукты посыпались на пол.

– Я соскучилась по тебе, – прижалась она к его тёплому плечу лицом, щекоча мокрыми на кончиках волосами.

– Вот всегда так. Такой номер испортила, – взяв её лицо руками, сказал он. От рук пахло апельсинами и яблоками, и совсем не пахло красками.

– Я тебя люблю, – сказала она.

– Я знаю, – прошептал он. – А ты всегда будешь любить меня? – голос его дрожал.

– Всегда. – Он осторожно поцеловал её в губы и осторожно отстранил.

– Ещё один смертельный номер. Алле-гоп, – сказал он, срывая с бедер полотенце и оставаясь в плавках. Айн, цвай, драй, – сказал он, сжав зубами кончик полотенца, другой рукой ловко и незаметно для Натальи разлил вино в бокалы.

– Прошу, мадемуазель, – протянул он ей бокал. – За любовь? – вопросительно взглянул ей в глаза.

– За любовь! – тихо отозвалась Наталья.

– Ты сегодня такая нежная и... красивая, – сказал Олег, не отводя глаз.

– Да-а? – переспросила Наталья, не найдя что сказать от нахлынувших чувств.

– Я хочу выпить за... нас, – донеслись до неё долгожданные слова, вернее, не слова, а то, что было за словами.

Тело будто онемело. Медленно-медленно приближались к ней лицо Олега, его глаза, губы. Обнимая её, он осторожно взял у неё из рук бокал и поставил на стол. Бокал перевернулся, и несколько капель образовали красное пятно на скатерти. Пятно некоторое время занимало мысли Натальи, и ещё закотившееся под тахту яблоко, которое почему-то навеяло ей мысли об Адаме и Еве. Она куда-то плыла и падала, увлекаемая Олегом, его руки подхватывали её, мысли путались, и радость раскрывалась в её душе, как бутон...

А потом он уснул. Просто, как засыпают младенцы, насосавшись молока, и спал, так же тихо, как младенец. А она лежала и плакала... Тихо, почти без слёз. Боялась, что к утру будут опухшие глаза, а ведь завтра им ещё ехать в клинику. Не боясь разбудить Олега, закурила сигарету прямо в постели. Он застонал во сне, и рука его случайно упала ей на живот. Рука была тёплая и тяжёлая. Она тихонько убрала её. Всё в нём было чужое, даже его рука, которой она так любовалась несколько часов назад. Он обманул её – он её НЕ любит! Его не было с ней. Его вообще нигде не было! И зачем нужен был весь этот обман? «Миленький ты мой, возьми

меня с собой, там, в краю далеком, буду тебе чужой...», –мысленно пропела она. Чужая... она ему чужая, и она ему не нужна.

В ней проснулась жалость к себе и злость на кого-то, только не на Олега – что с него взять? – и не на Танечку. Танечку она теперь поняла, с ней было то же самое. Она курила и ждала, когда злость осядет в душе, но злость не проходила.

Сколько ещё женщин поплачет из-за этого пай-мальчика со страдающим лицом? И что же они получают за любовь? Портрет с натюрмортом? Спасибо, дорогой! Нет, всё же она злилась именно на Олега. Откуда только он взялся на её голову?!

Наталья зло загушила сигарету. Спит, как ангел. Да и виноват ли он в том, что не умеет любить? Господи, почему всё так? Неужели счастье – такая недоступная вещь в этом мире? Пусть едет в эту клинику. Может быть, там его научат любить. Но ведь было же, было, всё было у них двоих. Или только казалось?

Неожиданно мысли её перекинулись на работу, на картины... Мелькнула догадка. Она поняла, постигла, наконец, то, что искала в биографии художника и его картинах. Порывшись в сумочке, достала блокнот и ручку. Она больше не обращала внимания на спящего Олега, принялась писать...

Олег всегда мог просыпаться без будильника. Пока он брился и умывался, Наталья хлопотала на кухне. Была молчалива и деловита. Он догадался: она специально встала раньше... Кто разберёт этих женщин! Только ночью она была полностью в его власти. Да полно! Никогда она не была в его власти, это он опять попал под её влияние. Возникло откуда-то раздражение: вечно она заставляет его плясать под свою дудку. Может быть, права мама, вовсе она не любит его, а ведёт как слепого котенка. Нужен ли ему этот эксперимент, засомневался он опять. Но что же делать?

– Поторопись, – позвала Наталья. – Добираться долго. Смотри, какая погода. Наталья была удивительно спокойная и чужая. – Туманище! – выглянул он в окно. Ничего не видно, – удивился Олег. – Но ты ведь не из-за погоды такая?

– Какая? – безразлично переспросила Наталья.

– Наташ, ну чего ты? – попытался восстановить отношения Олег, дотронувшись до её руки. Словно обжёгся.

– Тебе с сыром? – спросила Наталья, никак не реагируя на его прикосновение. Положила бутерброд ему на тарелку.

– Наташ, – начал было он опять.

– Ешь. Нам надо торопиться. – Она скользнула мимо, оставляя облачко духов.

Запах их почему-то горчил и наваял грусть. Вечно эти нелепые ассоциации, подсаживал Олег на способность своего мозга материализовать из ничего какие-то чувства и ощущения. Впрочем, грусть, наверное, никуда и не уходила. Она так и жила подспудно в нём, только утяжелилась, будто намочила чьими-то непролитыми слезами. Возникло непонятное ощущение тревоги, жалость к Наталье, желание защитить её от чего-то.

– Тебе было плохо со мной?

– Нет.

– Прости, что я такой никчемный, и всем приношу несчастья.

– Брось ты это, – поморщилась Наталья. Ей не нравилось, что он закрывался самоуничижением, как щитом. – Просто ты слишком растворяешься в людях. Они уходят и уносят с собой частичку тебя... Как твоя Танечка, как другие... Так легко талант растерять. А без таланта ты – это не ты.

– Да и есть ли он, талант-то? – засомневался Олег.

– Ну, – Наталья развела руками, – с таким настроением нам давно пора быть в клинике.

Город просыпался. Громыхали тяжёлые машины – власти всё никак не могли построить обещанную несколько лет назад объездную дорогу! – дребезжали разбитыми дверями дверями

автобусы. Хмурые прохожие, ежась от утреннего холода, ныряли в туман. Почти невидимый, шелестел метлой дворник.

Беспросветный туман несколько смягчил грусть. Наталья даже пыталась шутить, что в таком тумане и такси не найдёшь. Но машина приехала быстро и повезла их загород.

Дорога предстояла дальняя. Превращаясь в сплошную серую массу вдаль, туман стелился у асфальта, не давая шоферу набрать скорость. Наталья сидела молчаливая и тихая, казалась Олегу недоброй. Изредка они перекидывались парой слов. Всё же она сильная женщина! Олег невольно любовался ею.

Эту ночь она почти не спала, но была из тех женщин, которых бессонница и злость делают красивее. Было в ней что-то новое, чего не было вчера, это что-то появилось, видимо, ночью. Он пытался определить свою причастность к её перемене, но вновь и вновь наткнулся на её отчуждённость.

– Наконец-то тебя запрут на три месяца. Хоть под присмотром будешь, а то хуже маленького ребёнка, – сказала она.

– Я тебе так надоел? – пытался Олег взять Наталью под локоть.

– Ты сам себе надоел, – капризно отдернула она руку. Через зеркальце на них поглядывал шофёр, откровенно любясь ею и явно завидуя Олегу. Это видела и Наталья.

– Да уж, ни свободы, ни развлечений, ни женщин, – отвечал Олег, почему-то с грустью подумав о Наталье: любила ли она его когда-нибудь? Только вчера ему казалось, что любила, а сейчас вдруг стала чужой. Достав косметичку, Наталья стала подправлять губы и глаза. Красилась она уже не для него. Накрасившись, Наталья достала записную книжку, и углубилась в неё.

Туман начал рассеиваться...

Глава 7

Клиника располагалась в одном из частных пригородных особнячков, окруженном высоким забором. Его отличало от других таких же лишь наличие автостоянки. Таксист высадил их прямо у ворот.

– Ну... вот и приехали, – сказал Олег.

Пока Наталья расплачивалась с шофёром, Олег с наслаждением вдыхал пропитанный влагой воздух.

– Сейчас будет дождь, – деловито констатировала Наталья, уверенно беря его под руку. – Ну, пошли?

Охранник проверил их документы, что-то записал в свой блокнот и, улыбнувшись Наталье, пропустил её вперед. Что-то похожее на ревность шевельнулось в душе Олега, но тут же погасло.

Вокруг трехэтажного здания был разбит парк, к широкой лестнице вела липовая аллея. Зашуршал по листьям дождь, и им пришлось спрятаться под зонт, предусмотрительно взятый Натальей. Тишина вокруг и эта мокрая аллея на миг сблизили их. Но Наталья знала, теперь знала, что любовь уже не вернуть.

Они поднялись по лестнице и прошли через вестибюль. Попали в большой холл, отделанный под мрамор. Мягкий пол кофейного цвета, зелень, уютные уголки за мраморными колоннами. На диванчиках сидели люди, преимущественно молодежь.

Наталья провела Олега к стойке регистратора. Элегантная девушка в строгом бежевом костюме быстро оформила карточку, сказав Олегу:

– Ваш порядковый номер 55. Смотрите на табло, – указала она на дверь, вначале вовсе не замеченную Олегом. Над ней в тёмном прямоугольнике зелёным цветом горела цифра 30. Затем она сменилась цифрой 31. – Минут через двадцать Вас вызовут, увидите свой номер, – невозмутимо объяснила она. – Ещё одну минутку. – Девушка достала предмет, очень похожий

на часы с браслетом, и ловким движением пристегнула Олегу на запястье. – Теперь можете идти, – мимолётно улыбнулась она и переключилась на другого пациента.

Олег и Наталья уселись за столик около фикуса, чтобы держать в поле зрения табло. Олег с удивлением рассматривал браслет с маленькой цифрой 55.

– Это ещё зачем?

– Да не волнуйся ты. Это какой-то датчик. Измеряет твоё биополе. А может, ещё что-нибудь, – успокаивала Наталья.

– Хорошо тебе говорить. А я в больницах с детства не был. Разве что у стоматолога. А здесь в душу полезут.

– Ну, знаешь, попытка не пытка. Насильно тебя никто здесь держать не будет. Желающие на твоё место найдутся, – насмешливо хмыкнула Наталья.

– Ну, всё, всё, решил уже, – всё ещё неуверенно отвечал Олег.

– Ну и расслабься!

Олег послушал совета Натальи, отбросил все мысли, насколько это было возможно, и действительно почувствовал себя лучше. Ощутил бархатистость обивки дивана под рукой, услышал тихую музыку – современная обработка «Лунной сонаты» Бетховена, уловил чуть заметный аромат свежести в воздухе. Кондиционер, пол с подогревом – а что, здесь вовсе неплохо!

Неслышно скользили люди. Девушки из персонала были в бежевых элегантных костюмах, и Олегу чудилось, что он находится не в больнице, а в отеле. Искусственный свет, освещающий растения, и подсветка фонтана в центре холла гармонировали с ярким цветом оконных витражей. Чувствовалось, что над интерьером трудились дизайнеры. Каждый уголок холла имел свой колорит, свою цветовую гамму и настроение. В то же время всё это вливалось в общий ансамбль.

Подумать только, еще день назад ему бы и в голову не пришло, что его жизнь сделает такой поворот. И всё это Наталья!

– Спасибо тебе, ты так обо мне заботишься, – сказал Олег. Даже ресницы у Натальи не дрогнули. Какая она холодная, деловитая и чужая, будто вовсе не она провела с ним вчерашний вечер и ночь.

– Чего уж там. Мы же друзья, – вложила она исконный смысл в это слово, вспомнив теперь с горечью, как часто он говорил ей об этом.

– Друзья, – повторил он. Помолчал. – Прости, я виноват в чём-то.

– Ни в чём ты не виноват, – остановила она его недовольным жестом. – Се ля ви, мой милый. Это жизнь! Но всё же вы, все мужики, – народ толстокожий, даже художники!

– Исправлюсь, – пообещал Олег, замечая, как она занесла его в разряд “всех мужиков”. Конечно, у неё большой опыт по этой части!

– Не ради себя стараюсь. Ради искусства, ради твоего таланта. – Наталья незаметно посмотрела на часы – прошло уже почти полчаса. – Ты мой телефон помнишь, звони. А то, как залез в свою депрессию, ни разу не позвонил.

– Обязательно позвоню, – пообещал он. – Ты тоже меня не бросай здесь совсем, – попросил.

– Я за тебя теперь в ответе.

Они одновременно увидели зеленую цифру 55 на табло.

– Ну, иди, – кивнула на дверь Наталья и поднялась.

– Ты меня не дождешься? – спросил он, хотя уже знал ответ на свой вопрос.

– Нет, мне пора, – ответила Наталья. Мыслями она была уже в музее. Всё же проводила его до двери, и он, прощаясь, на минуту задержал её руку в своей.

В течение следующего часа Олег переходил из кабинета в кабинет, садился в уютные кресла, на жёсткие табуреты, ложился на кушетки и отвечал на странные вопросы врачей, удив-

ляясь, какой скачок успела сделать медицина. Врачи подключали к нему приборы, которые ловили импульсы его тела. Мигали лампочки, жужжали датчики, щёлкали аппараты, выдавая информацию. Его просвечивали какими-то лучами в тёмной комнате, списывали информацию прямо с мозга. Он видел на экранах цветное изображение себя самого. Его как художника эта цветовая гамма не очень устраивала, слишком уж мрачно. В какой-то момент захотелось уйти от внимательных взглядов врачей, но девушки-медсестры были милы, прикосновение их рук действовало умиротворяюще, да и отступать было уже поздно.

В последней комнате у Олега с руки сняли датчик и поместили под стеклянный колпак. Под стеклом взметнулись разноцветные змейки, похожие на молнии. Попросили подождать двадцать минут. Врач стал сверять с листа получаемую информацию, передавая бумаги медсестре. Та заносила данные пациента в компьютер.

Ровно через двадцать минут врач повернулся к Олегу, сменив сосредоточенное выражение лица на благодушное и сообщил:

– Поздравляю вас, Олег Валерьевич, у вас неплохие данные для участия в нашем эксперименте. Можете сейчас отдохнуть, пообедать в кафе. Через два часа подойдите к регистратору, она скажет вам номер комнаты. Вечером профессор Сидоров подробно ознакомит Вас с сутью эксперимента.

Подошла медсестра и, улыбаясь, привычно закрепила на его руке браслет. Олег поблагодарил врачей и покинул кабинет.

После всех исследований ему просто необходимо было проветриться, и он вышел в парк. Воздух был пропитан сыростью, пасмурно серело небо. В лужах плескались воробьи. «К дождю», – отметил про себя Олег. Всё было наполнено свободой. И только он не был свободен. Светящаяся на его датчике цифра 55 напоминала ему о том, что он теперь пациент клиники, и что он дал своё согласие на эксперимент, который ещё неизвестно чем обернется.

Всё здесь было чужим для Олега: и мокрые стволы деревьев, и серое здание клиники. И ничего не хотелось. Он находился как бы в невесомости. Оторвался от дома, но ещё не причалил никуда. Город со своими заботами был далеко. Далеко были мама, Танечка, Наталья. Чудилось, что все его бессонные ночи и муки остались там, в квартире с закрытыми форточками. Легко и светло вспомнилась Танечка.

Когда он в первый раз увидел её, тоже был сентябрь и шел дождь... Олег, несмотря на него, делал свою обычную прогулку. Она стояла на остановке и чем-то показалась ему знакомой. Он сделал шаг в её сторону, но опомнился: совсем ведь чужая девчонка. Пока раздумывал, подошёл автобус, пассажиры засуетились, и она исчезла среди зонтов и плащей.

На другой день он снова увидел на остановке голубой зонтик и тоненькую знакомую фигурку. Она подошла к остановке уже после того, как автобус, забрав пассажиров, сердито фыркнул и укатил, рассыпая по сторонам блестящий веер брызг. Тогда он и подошёл к ней.

– Опоздали? – спросил. Она вскинула на него непонятного цвета светлые глаза, вспыхнула, на щеках обозначились ямочки. В следующий миг краска сошла с лица, но она всё ещё продолжала смущенно улыбаться.

– Ага. Я домой с работы еду, – доверчиво сообщила она.

– Улыбка вам идёт. Очень открытая и чистая. По лицу читать можно... Я – художник, потому так говорю, – он помолчал, видя её смущение. Она тоже молчала. – Почему-то Вы кажетесь мне знакомой? – Она пожала плечами. – Нет, правда, – пытался оправдать Олег свой поступок.

– Зато я Вас знаю. Вас по телевизору показывали. И здесь Вы часто гуляете, – сказала нерешительно.

– Ну, раз так, у меня к Вам предложение. Давайте я Вас нарисую. У Вас такое необычное лицо, – пошёл в наступление Олег.

– Нет-нет, – испуганно отказалась она, и Олег понял, что настаивать бесполезно.

Замолчали. Стал слышнее дождь, мелко шелестящий по крыше.

– Мой автобус теперь только через пятнадцать минут, – сказала она.

– Я провожу Вас? – попросил он. – Вас как зовут?

– Таня.

– А меня... Вы, наверное, уже знаете?

– Знаю. Я на всех выставках бываю в нашем городе. И Вас сразу узнала, как только увидела. Вы всё время здесь гуляете.

– Я живу здесь. Вон в этом доме, – показал он на свою высотку. Квартира сорок пять. Заходите, если интересуетесь искусством. Может, сейчас зайдём?

– Нет-нет, – снова отказалась она и опять покраснела.

Танечка пришла неожиданно.

– Вы? Ты? – удивился Олег.

– Я подумала... Вы работаете и... в общем, – смутилась она, отчаянно глядя ему в глаза.

– Какая ты молодец, что пришла, – искренне обрадовался Олег. – Проходи, раздевайся.

– Я тут... принесла. У вас, наверно, и поесть нечего, – проговорила Танечка.

Олега тронула её забота. Такая глупышка, совсем девчонка, а уж по-женски заботится.

Через несколько недель она сидела у него в мастерской и смотрела, как на картине возникают дождь и мокрые деревья. На переднем плане вырисовывалась никак не дающаяся ему промокшая ветка... Уже потом, когда они окончательно расстались, он дописал картину, назвав её «Ожидание». Грустная получилась картина, будто знала ветка, что предстоит ей расцвести, зазеленеть и увянуть под равнодушными взглядами людей; и одновременно светлая, потому что была в её жизни радость цветения.

Так получилось и с Танечкой. После работы бежала она к нему, звенели её смех, кастрюльки на кухне. Даже придиричивая Полина Игнатьевна, застав однажды здесь Танечку, подружилась с ней. И две женщины, по-разному любившие Олега, часами беседовали о нём, пока он мучился над очередным творением. Впрочем, ни мама, ни Танечка не могли повлиять на образ его жизни. По-прежнему к нему приходили девушки для работы и просто так, соперничали между собой, насмешничали. Особенно усердствовала Наталья.

– Домработницей обзавёлся?

– Это мамина знакомая, – зачем-то врал Олег.

Наталья усмехнулась, но и в другой раз продолжала своё:

– Да она обыкновенная домашняя клуша. Она тебе всех поклонниц распугает. А талант без поклонников не талант. Ну, зачем она тебе?

Олег и сам не знал, зачем. Вначале увлекшись ею и получив неожиданный отпор, он решил больше с ней не встречаться. Но когда она долго не приходила, ему будто чего-то не хватало. Была в ней какая-то способность рассеивать сомнения, умирять страсти. Прояснялось в голове, рука сама брала нужные цвета и накладывала их на холст.

– Мне с ней легко. И она не лезет мне в душу, в отличие от тебя, – ответил Олег на очередной выпад Натальи. Как груба и бестактна бывала она иногда при всей её внешней утонченности!

– Ну что ж, больше лезть тебе в душу не буду. Понадоблюсь – позовешь, – сказала тогда Наталья и исчезла из его жизни.

А с Танечкой? Он и сейчас помнил, как ввёртывал лампочку в комнате, как рухнула под ним табуретка, как склонилось над ним ставшее белым лицо и распахнутые в ужасе глаза Танечки. Он притянул её к себе, уткнулся в пушистые волосы и сказал:

– Я тебя, кажется, люблю. А ты?

И она стала оставаться у него на ночь.

Но вскоре ему надоели простота и непосредственность Танечки, и он ничего не мог с собой поделать. Он увидел, что она слабо разбирается в искусстве, не понимает многого из

того, что он ей говорит, на всё смотрит его глазами. Стали раздражать её восторженность и преданность. Вот если бы она исчезла куда-нибудь, неожиданно заболела, может быть, это что-то изменило. Но вместо этого она забеременела, а это было совсем некстати. Она не плакала, но всё смотрела на Олега своими большущими глазами и ждала решения её проблем. И ему казалось, что он обидел ребёнка.

Олег закрыл глаза, мысли заскользили в другом направлении, огибая острые углы, вспомнились вчерашние астры, нежность Натальи, мама... «Надо ей позвонить», – подумал Олег вяло. Он стоял, прислонившись к стволу, дыша дождём, мирно почивающим на листьях и траве. Какая-то птица, обманувшись его неподвижностью, пролетела так низко, что стряхнула с веток несколько капель, упавших Олегу на лицо. Он вздрогнул от неожиданности и тут же увидел рядом с собой человека.

– Уже прошли обследование? – спросил незнакомец, вперив в него пронзительный колющий взгляд.

Надо было, конечно, завязывать новые знакомства. Но так... Незнакомец Олегу не понравился. Ни его яркий галстук, никак не сочетающийся с мешковатыми брюками и курткой спортивного типа, ни его борода в стиле интеллигента-разночинца девятнадцатого века. Но не это главное. Смутил взгляд мужчины – испуганный и навязчивый одновременно. В другой обстановке Олег избежал бы такого знакомства. Но сейчас...

– Прошёл, – ответил он вежливо.

– Я тоже. Подышать вышел. – Незнакомец был в приподнятом настроении, и ему хотелось с кем-нибудь им поделиться. – Там сейчас народу набралось! – Видя, что Олег не против общения, незнакомец продолжал:

– Природа здесь красивая!

– Да-а! – поддержал Олег.

– Меня Александр зовут. А Вас?

– Меня Олег. Курите? – предложил он.

– Не-е, – поморщился новый знакомый. – Никогда не брал в рот эту гадость. Вам тоже бросать придётся. Знаете, как эксперимент называется? – и сам же ответил:

– «Идеальный мужчина».

– Посмотрим, – неопределенно ответил Олег и закурил. Разговор шёл вяло.

– А Вы кто по профессии? – спросил бородач.

– Художник, – ответил Олег. – Знакомиться, так знакомиться.

– То-то Вы мне понравились. Я творческих людей уважаю, сам в некотором роде такой. Я учитель. Историю в гимназии преподаю. Вернее, преподавал, – он замолчал.

– Трудно, наверно, с детьми?

– И не говорите, – по лицу нового знакомого скользнула гримаса усталости.

– Сбежали?

– Почти.

Сан Саныч, так звали его ученики, действительно почти сбежал из гимназии. Назревал серьёзный конфликт. В свои тридцать шесть Сан Саныч уже был дважды женат, но маму всё никак не устраивали его жены. И вот он – семейный неудачник и маменькин сынок – неожиданно для себя влюбился в свою ученицу, семнадцатилетнюю Таю Бельскую. (Её большие зелёные глаза и каштановые кудряшки и теперь стояли у него перед глазами.)

Вначале, когда он стал выделять её из всех, тянуть её “тройку” на “четвёрку”, а потом и на “пятерку”, родители её были довольны. Под воздействием Сан Саныча Тая выправила учёбу и хорошо окончила гимназию, а на одном школьном вечере сама призналась в любви своему учителю. Дочка состоятельных родителей влюбилась вопреки всякому здравому смыслу, наперекор всеобщему мнению. Как говорится, сердцу не прикажешь.

В гимназии Сан Саныч слыл чудаком. Ученики над ним насмехались. И он видел, как болезненно Тая реагировала на эти насмешки. Он взглянул на себя её глазами и понял, какой он смешной и жалкий. Весь его интеллект ничего не стоит в её глазах. Он будто впервые увидел себя таким, какой он есть, мгновенно поняв однобокость и ущербность своей жизни. А жизнь, вот она – рядом, сверкает всеми красками... Он сбежал от себя, своей любви, невозможности сдерживать свои чувства, от страха, что скоро его возлюбленная стряхнёт с себя пелену чувства и будет смеяться над ним, как другие.

Учитель и ученица, тридцать шесть и семнадцать, такого его мама точно бы не вынесла... Она не смогла ужиться ни с одной из двух его предыдущих жён, а уж Тая...

Летом события развернулись совсем уж неожиданно. Тая провалила экзамен в вуз и заявила родителям, что намерена выйти замуж за Сан Саныча. После ссоры с ними упрямая девчонка ушла из дома и месяц жила у подруги в Москве. Обо всём этом Сан Саныч узнал только, когда родители Таи пришли к директору гимназии и обвинили бывшего учителя дочери во всех её сумасбродствах. Даже в новом учебном году родители не успокоились. В начале сентября в школе появился журналист, и вскоре вышла в газете обидная статья. Но тут, к счастью, вмешалась судьба. В отдел образования прислали несколько приглашений от профессора Сидорова; одно из них, учитывая ситуацию, и навязали Сан Санычу.

Как знать, решился бы он на такое дело самостоятельно?

Сан Саныч сбивчиво поведал Олегу о своих делах, переходя с личных проблем на общечеловеческие, с пессимистических нот – на оптимистические. Почему-то он проникся доверием к Олегу, и тот узнал о его бывших жёнах, неприятностях с родителями и замечательной маме.

– Мама у меня – добрейшая женщина. Но многого в современной жизни не понимает. Ей нужно, чтобы моя жена обязательно пекла пироги и читала классику... Сколько уж я пытался вырваться из-под её крыла. Да не смог. Ну как она будет без меня? Она у меня уже старенькая.

– Да-а... Всё же надо жить отдельно, – сказал Олег и поймал себя на мысли, что он-то никогда не думал так о матери, ему всегда “своя рубашка” была “ближе к телу”.

– А что Вы думаете обо всём этом? – повёл он рукой в сторону клиники. – Видели, какое у них медоборудование. А это? – он ткнул пальцем в свой датчик. – Интересно!!! А профессор Сидоров – это же учёный с мировым именем. Он над такими проблемами работает. Например, создание специальной энергетической оболочки, этакой ауры вокруг человека, внутри которой происходит полное раскрытие всех природных способностей!

– Да что Вы говорите? – недоверчиво удивляется Олег.

– Да! Да! – уверял раскрасневшийся учитель, торопливо объясняя. – Что-то вроде гена гениальности... Профессор Сидоров – автор книг по психологии. Ему принадлежит новый метод без медикаментозного лечения больных даже серьёзными психическими расстройствами. Он проник в тайны психики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.